

**Отзыв официального оппонента
доктора социологических наук, профессора М. Ю. Смирнова
на диссертацию Павла Георгиевича Носачева
«Исследования западного эзотеризма в зарубежном
религиоведении», представленную на соискание учёной степени
доктора философских наук по специальности
09.00.14 – философия религии и религиоведение**

В современном российском религиоведении, отсчёт которому можно вести примерно с середины 1990-х годов, ныне наступил период, когда стали создаваться и выходить в свет ещё немногочисленные, но уже вполне уверенные обобщающие, обзорные и аналитические труды, которые отражают мировой уровень научных знаний о религии, свидетельствуют об освоенности этих знаний отечественными исследователями и транслируют эти знания в научный дискурс и образовательный процесс.

Такие труды актуальны для развития науки, поскольку умножают запас прочности религиоведческих исследований, способствуют определению перспективных направлений. В их ряду — представленная на защиту диссертация Павла Георгиевича Носачева «Исследования западного эзотеризма в зарубежном религиоведении».

Эта работа явно претендует на заметное место среди отечественных трудов по философии религии и религиоведению. Сам автор подразумевает это, начиная семь из восьми пунктов формулировки научной новизны своего исследования словом «впервые». Такая заявка ко многому обязывает. А положения и выводы диссертации, изложенные в четырёх главах на 435 страницах, призваны показать насколько автору это удалось.

Замысел диссертации впечатляет. Исполнение подтверждает, что автор — зрелый в научном смысле, эрудированный и хорошо понимающий исследуемый материал учёный. К тому же, ему присуща научная смелость — браться за тему, которая охватывает множество расходящихся точек зрения и трактовок, обширные пласты разнокалиберной литературы (использованы 333 издания, из них 188 на английском и немецком языках), — это нелёгкое дело, требующее упорства и даже стойкости.

Полагаю, поэтому, что диссертанту хватит стойкости и находчивости убедительно ответить на замечания, которые неизбежны при оценке столь пространныго труда. Эти замечания оппонента не являются опровержением авторского подхода, но с необходимостью возникли для более полного прояснения позиции диссертанта и его вклада в науку, что, собственно, и требуется процедурой защиты диссертации. Замечания содержат 9 пунктов.

1. Автор избрал объектом диссертации академические исследования западного эзотеризма. Между тем в работе не удалось обнаружить внятного пояснения, почему нечто относится именно к академическим исследованиям эзотеризма. В чём этот академизм — то ли в институциональной принадлежности ученых, то в метатеоретическом характере их изысканий, то ли в применении ими особых («академических») подходов и методов?

2. Предметом исследования названы «теории осмысления феномена западного эзотеризма». Суть формулировки, что называется, интуитивно понятна. Автор рассматривает именно теоретические вариации осмысления эзотеризма, и предметом его исследования выступают, таким образом, разные теоретизирующие рефлексии над теориями, или метатеории. Но это как-то замысловато. Пока расшифруешь обозначение предмета, невольно засомневаешься в понятийной чёткости и остального изложения. Для такого сомнения резоны, к сожалению, встречаются.

Приведу один пример. Как заявлено автором в начале диссертации, целью работы является создание панорамной картины исследования западного эзотеризма в зарубежном религиоведении (С. 4). Но далее целеполагание формулируется несколько по-иному: «Цель исследования — построение аналитической классификации подходов исследования западного эзотеризма в зарубежном религиоведении» (С. 17). Так всё-таки, в чём цель — создать панорамную картину или построить аналитическую классификацию?

3. При знакомстве с содержанием труда возникают и другие, связанные меж собой, вопросы:

а) Почему исследования западного эзотеризма рассматриваются автором именно как религиоведение?

б) Неужто все исследователи, чьи взгляды рассматриваются диссертантом (а среди них и Карл Густав Юнг, и Умберто Эко и ряд менее знаменитых учёных персон), это именно религиоведы? И все ли из них сами-то себя полагали религиоведами?

в) Если диссертант считает, что это действительно именно религиоведы, то что в таком случае он понимает под религиоведением, пусть даже это религиоведение и зарубежное?

Скорее всего, автор априори предчувствовал такие вопросы, вставив во Введение фрагмент с разъяснением методологических и терминологических особенностей своего подхода (С. 21–23). Но изложенное разъяснение всё-таки не снимает неясности. Думаю, что идентификация религиоведов — это не формальность, а установление параметров профессиональной среды, удерживающих религиоведение от диффузии и растворения в других научных направлениях, так или иначе изучающих феномены религии.

4. Определяя предметное поле эзотеризма как «сферы западной культуры», диссертант относит к нему такие компоненты как каббала, алхимия, гностицизм, магия, астрология, герметизм, розенкрейцерские и масонские движения, отчасти Нью Эйдж, — как бы подразумевая, что всё это религиозные явления. Но если это действительно так, то что такое религия?

Я не требую безукоризненного определения религии. Религиоведы знают, что такого определения не существует. Но рабочее понятие религии, а заодно и понятие религиозности, которыми оперирует диссертант, должны были бы присутствовать. Тогда маркировка каких-то явлений эзотеризма как религиозных в авторской трактовке была бы объяснена.

5. Автор разыскивает свой предмет исследования, а именно, — теории осмысления феномена западного эзотеризма, в религиоведении (зарубежном). Однако при этом сам же справедливо замечает, что исследователи алхимии, каббалы, масонства и т. п. «вообще могут не задумываться о том, что работают в отдельной сфере научных исследований, а считать себя, например, историками науки» (С. 23).

Но тогда вновь возникает вопрос: с религиоведами мы встречаемся на страницах диссертации?; или автор просто по своему разумению так классифицирует отобранных им исследователей, именуя их религиоведами, ссылаясь при этом на некий «принятый за рубежом консенсус»? В тексте диссертации про упомянутый «консенсус» ничего подробного обнаружить не удалось.

6. Необязательным представляется указание автором как на достижение своего труда, что диссертация «вводит в оборот отечественной гуманитарной мысли набор ключевых для современных зарубежных ученых теорий» (С. 5). Для советских времён такой ход, действительно, был бы явным достижением, поскольку доступ к знаниям о зарубежных теориях был крайне ограничен или отсутствовал. Но сейчас, при доступности, которую обеспечивает информационное пространство, незнание специалистами основного профильного материала можно объяснить только ленью или, мягче скажу, отсутствием интереса. Ценя труд Павла Георгиевича как исследовательскую работу, я всё-таки не считаю, что об исследованиях западного эзотеризма, скажем, студентам-религиоведам надо узнавать по пересказу из его диссертации.

7. Неоднозначную реакцию вызывает указание автора на избирательность западных исследователей, которые игнорируют подходы друг друга, исходя из своей разной, так сказать, «партийности» в науке, а вот российский автор, не вовлечённый в дебаты зарубежных коллег, может с непредвзятостью охватить весь спектр их подходов.

Думаю, не ошибусь, если замечу, что российские исследователи, включая и диссертанта и его оппонентов, не менее «партийны» и имеют далеко не совпадающие представления об общих предметах изучения. А если бы на данную тему диссертацию представил бы, скажем, какой-нибудь российский сектовед, то мы услышали бы о вообще совсем другой классификации и совсем в других понятиях.

8. Признаюсь, что для меня стала неожиданной констатация автором обнаруженного им обстоятельства, что «российские исследователи склонны к созданию своих оригинальных теорий и не часто ставят своей целью осмысление уже достигнутого в этом направлении за рубежом» (С. 14). Если это относится к собственному труду диссертанта, готов признать его притязания на оригинальность, но в целом приведённая характеристика, увы, не имеет достаточного подтверждения — чаще встречаются именно пересказы публикаций зарубежных авторов и отсылки к их теориям, пусть и не к самым «свежим».

9. Последнее замечание — про обозначение выявленных диссертантом подходов к исследованию западного эзотеризма. Это четыре подхода, каждый со своим «именем». И если авторская аналитика всех подходов оригинальна, вполне убедительна и содержит новизну, то способ подбора названий неясен.

Тут применены и хронологический критерий («новоевропейский подход»), и географический («американский подход»), и по методологическим основаниям («подход классического рационализма»), и по смысловому признаку («мистоцентрический подход»). Если в каждом случае мотивы «имянаречения» разные, но всё вместе это единая классификационная схема, то следовало бы дать аргументированное обоснование такой эклектике. Иначе получается симбиоз, условно говоря, горячего, кислого, круглого и голубого.

Как можно заметить, высказанные мной критические суждения относятся к способу подачи автором своих диссертационных изысканий. Оппонент не ставит под сомнение понимание диссертантом сложности изъяснения указанных мест, равно как и не отказывает труду Павла Георгиевича Носачева в научной основательности. Скорее, можно говорить об известной всем исследователям усталости от собственного текста, когда не вполне удачные утверждения проскальзывают мимо внимания автора, как бы подразумевающего, что если ему всё понятно, то и читающий должен также всё это понимать.

Но если выйти за пределы не до конца прояснённых мест диссертации, то надо признать, что в российском религиоведении появилось очень добротное исследование внушительного массива зарубежных подходов и теорий, которое явно превосходит рамки простого воспроизведения большого круга источников.

Главным достоинством диссертации можно считать проделанную автором работу по упорядочиванию, классификации и аналитическому рассмотрению очень мозаичного материала разнообразных теоретических трактовок эзотерических феноменов.

Очевидно, что наиболее сложным в этих процедурах было выявление тех общих признаков, которые позволяют группировать обозреваемые трактовки в целостные направления. Каждое направление определяется автором по общности подхода к эзотеризму, присущей тем или иным исследователям. Критерием общности автор избрал соотношение этического и этического начал в исследовательской деятельности учёных, чьи теоретические взгляды на эзотеризм рассматриваются в диссертации. Четыре главы диссертации представляют эти подходы, обозначенные автором как «мистоцентрический подход» (С. 31), «подход классического рационализма» (С. 73), «новоевропейский подход» (С. 168), «американский подход» (С. 303). Если принцип наименования подходов, как было сказано, требует пояснения, то само содержание глав компенсирует этот недостаток, демонстрируя авторское умение раскрывать и стыковать смыслы сходных трактовок.

В каждой из глав работы есть чем поживиться оппоненту, разыскивая и обнаруживая авторские недосказанности, стилистическую неровность и всякие иные неудачи изложения.

Но всё-таки к научному труду надо относиться, прежде всего, оценивая его исследовательские достоинства. При чтении всех глав действительно возникает, как этого и хотел автор, панорамная картина исследований эзотеризма, а описание этих исследований диссертантом побуждает к научным размышлениям на темы, более широкие, нежели собственно предмет диссертационного рассмотрения.

То есть диссертация вполне может быть рекомендована как удачный опыт религиоведческого освоения далеко неоднозначного материала. Полученные результаты несомненно могут быть применены в современных исследованиях не только по религиоведению и философии религии, но и по социальной психологии, культурологии, истории науки.

В моём восприятии, диссертация Павла Георгиевича Носачева обращает нас к ключевому вопросу — о самоопределении исследователей религии. Перефразируя известные слова, вопрос можно сформулировать и так: «С кем вы, мастера религиоведения?». Этот вопрос постоянно возникает за всеми обозреваемыми автором вариациями на темы инсайдеров и аутсайдеров или же соотношения эмического и этического начал в подходах к исследованию религиозных феноменов.

Конечно, четыре подхода, выявленные диссертантом, это далеко не исчерпывающий спектр самоопределения — я не уверен, что сами разнесённые Носачевым по четырем рубрикам исследователи полностью согласились бы с такой их классификацией. Но диссертант и не обязан спрашивать разрешения на этот счёт. Он скрупулёзно работал с доступным материалом, выявил определённые признаки, сгруппировал по этим признакам направления и дал по-своему обоснованную классификацию подходов — то есть, обобщённо говоря, провёл научно-исследовательскую работу и сделал это на высоком профессиональном уровне.

Тем самым, в корпус религиоведческих знаний диссертантом внесён значительный вклад — как в плане систематизации достижений научной мысли, исследующей явления эзотеризма, так и в методологическом плане, путём применения артикулированных автором способов классификации теорий эзотеризма. Отмечу и соответствие диссертации профилю научной специальности «Философия религии и религиоведение».

Во-первых, этот труд выполнен в ракурсе философии религии. Отчётливое философское звучание диссертации придаёт то, что в ней особое место занимают проблемы метатеоретического и методологического характера. Автор обращается к концепциям эзотеризма, определяющим своё поле исследований «как отдельный домен в сфере гуманитарной мысли или междисциплинарных исследований», то есть — в соотношении с широким культурным контекстом, для постижения которого необходимо философское обобщение.

Во-вторых, диссертация совершенно очевидно — религиоведческая, в том понимании религиоведения, которое отражено в Паспорте научной специальности 09.00.14 (области исследований: 15, 16, 20, 32, 35, 36, 37, 39 Паспорта). При этом, как и требует Формула специальности по данному Паспорту, «результаты исследований ... имеют теоретическое и практическое значение не только в области данной отрасли знаний, но могут быть использованы и на межотраслевом уровне, в других областях науки, в различных сферах материальной и духовной культуры».

Достоверность положений и выводов диссертации, включая те, что носят дискуссионный характер, подкреплена авторской аргументацией, которой присущи исследовательская новизна и теоретико-методологическая основательность.

Диссертация Павла Георгиевича Носачева «Исследования западного эзотеризма в зарубежном религиоведении» является самостоятельным трудом, она актуальна для религиоведения, её научные положения и результаты получили квалифицированное авторское обоснование и содержат исследовательскую новизну, являясь личным вкладом диссертанта в науку. Диссертация полностью соответствует требованиям для соискания учёной степени доктора наук, предъявляемым пунктами 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а Павел Георгиевич Носачев заслуживает присвоения ему учёной степени доктора философских наук по специальности 09.00.14 — философия религии и религиоведение.

Официальный оппонент: доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»

26.03.2018

М.Ю. Смирнов

Подпись *Смирнова М.Ю.*
Ученый секретарь ЛГУ им. А.С. Пушкина *И.И. Федеева*
26 марта 2018 года

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. служебный: 8 (812) 451-98-43; e-mail: mirsnov@yandex.ru